

Попов Владимир
Павлович

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

9 МАЯ 1967

МАТРОС С «ТЕОДОРА НЕТТЕ»

ЗИМОЙ станица засыпала рано. Не светились окна в домах — люди берегли драгоценный керосин. На пустых улицах лютвали степные ветры и заливались хриплым лаем спущенные на ночь псы. Только у сельских учителей Поповых в эти зимние вечера подолгу горела лампа. Станичные ребята любили слушать, как учительский сын Володя читает вслух книжки про дальние страны. Читал он на разные голоса — и за благородного Жака Паганеля, и за юного Роберта Гранта, и за храброго Гленарвана, и за вождя племени Кай-Куму...

Иногда все вместе разыгрывали страницы прочитанного, а однажды решили поставить настоящий спектакль с декорациями. Так организовался в станице Азовской первый драматический кружок.

Но путь к сцене артиста Краснодарского краевого театра драмы имени М. Горького Владимира Павловича Попова начинался не со школьного крыльца. Он мечтал о никогда не виденном море. Когда семья Поповых переехала на Дальний Восток, Володя, наконец, увидел его.

Попов поступил в морской техникум, но не закончил его: семье жилось трудно. Но вот однажды Володя увидел, что

В порт,
горящий,
как расплавленное лето,
Разворачивался
и входил товарищ
«Теодор Нетте».

Да, да, тот самый пароход, которому посвятил свое стихотворение Владимир Маяковский.

И он начал плавать на нем матросом.

— Стою я перед капитаном, — вспоминает Владимир Павлович. — Он как две капли воды похож на тех капитанов, о которых я читал: и нос, уткнувшийся в щетки усов, и свирепые лохматые брови, под которыми прячутся маленькие добрые глаза, и янтарная трубка в зубах. Он смотрит на меня, как с капитанского мостика, хотя оба мы стоим на палубе: моя голова достигает примерно второй пуговицы его кителя. Я впервые вижу настоящего капитана, и поэтому все во мне трепещет от страха и ува-

жения. «Плавал?» — спрашивает капитан. Что ему ответить? Сказать не плавал — протонит... Тихо говорю: «Плавал». И, видимо, страшно краснею, так как капитан смотрит на меня внимательно и так же тихо отвечает: «Ну что ж, раз такое дело, пойдешь матросом, — и, согнувшись вдвое, басит мне на ухо, — но если соврал, научим говорить правду...».

Володю научили не только говорить правду. Его научили жить по правде. Там, на «Теодоре Нетте», Володя понял, что нет в мире ничего сильнее человека, если он стоит за правду и если с ним рядом друзья. Ему открылось новое, другое море, полное неожиданностей и опасностей, страшное в гневе и презирающее слабодушных. И он по-новому полюбил его и людей, которых узнал. Они остались для него высоким образцом на всю жизнь, образцом мужества и благородства, бескорыстия и товарищества, патриотизма и нравственной чистоты.

Одной из таких колоритных фигур был кочегар по прозвищу Рыжий Боц. Голубоглазый, веснушчатый, в ярком берете, с японским полотенцем на шее вместо кашне, он был весельчаком и остроловом. Морское дело он знал отлично и море любил, как поэт. Случай, свидетелем которого стал Володя, остался в его памяти на всю жизнь и на всю жизнь приучил его всматриваться в людей.

«Теодор Нетте» шел Японским морем к берегам Камчатки. Команду вызвали получать зарплату. И тут обнаружилось, что многие моряки неграмотны.

— Как ваша фамилия? Мне нужно записать ее в ведомости, — спросил капитан у Рыжего Боца.

— Рыжий Боц, кэп.

— Это кличка, а мне нужна фамилия.

— Это не шуточки, кэп! Это революция пятого года... Рабочие Одессы вышли на улицу. Жандармы стреляли. Мои отец и мать остались на мостовой. А мне не было и пяти лет. Морячки подобрали меня и назвали Рыжиком. И стал я Рыжиком. Стал боцманом — окрестили Рыжим Боцем. Так и значусь по документации. У меня фамилия народная...

— Простите, Боц! Я ведь не знал...

Таков был Рыжий Боц с «Теодора Нетте». Он-то и стал первым другом и учителем Володи, который в свою очередь научил его и многих других грамоте.

Четыре года плавал Владимир Попов. Ходил в Японию с рыбой, возил грузы и пассажиров на Камчатку, хлебнул морской романтики и трудной морской жизни и навсегда унес любовь и уважение к экипажу знаменитого парохода.

Случилось так, что, приехав к родным в отпуск, Владимир Павлович впервые в жизни попал в театр. Он был потрясен и заворожен. С новой силой ожила в нем зародившаяся еще в детстве любовь к «представлениям». И он стал актером.

Война застала Владимира Павловича далеко от фронта — в Иркутске. И хотя у него была бронь, уже в июле сорок первого года Попов принял присягу. Он воевал под Москвой и закончил войну в Калининграде. Передо мной пожелтевший листок бумаги с печатью 93-й гвардейской стрелковой дивизии. Это политическая характеристика на гвардии-старшину В. П. Попова. В ней говорится: «Товарищ Попов за время службы на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, с октября 1941 года показал себя мужественным, дисциплинированным, идеологически и политически устойчивым, преданным Родине и партии большевиков воином, в совершенстве владеющим своим боевым мастерством. Между боями товарищ Попов проводил огромную работу по руководству красноармейской художественной самодеятельностью... Концерты, проводимые им, пользовались большой любовью у красноармейского, сержантского и офицерского состава».

Артист и с оружием в руках остался верен своему искусству. Но не только боевые награды и боевой опыт, не только стойкость человека, не раз видевшего смерть в лицо, вынес Владимир Попов с фронта. В нем утвердилось восхищение советским воином, с его беззаветной преданностью Родине, его человеколюбием. С волнением вспоминает

он об одном из военных эпизодов. Это было в сорок втором году на Смоленщине. Который день в районе станции Износки шли тяжелые бои. Часть, где служил Попов, резко выдвинулась на запад. Была поставлена задача: выбить фашистов из Александровских хуторов. Враг был совсем рядом. Но разведка донесла, что оккупанты согнали все население, подставив этот живой барьер под огонь наших войск. Как взять хутор?

Попов видел, как мучительно искал командир выхода, и не находил его. Решили ждать ночи. Как только опустились сумерки и жителей согнали в церковь, молниеносным ударом враг был выбит из хутора. Население не пострадало.

Только сейчас, узнав больше о В. П. Попове, я поняла природу его творчества, поняла, почему так правдивы, так сильны и чисты хорошие люди, которых он играет. Мне вспомнился его Сердюк из «Иркутской истории» — человек большой душевности и мудрости, его полковник Фомин из «Дневника женщины», его офицер-чекист из спектакля «Один год». Мне вспомнилось, как точно и строго играет Попов в «Океане» адмирала Часовникова и адмирала Миничева. Да, Владимиру Павловичу не зря удаются «военные» роли. Он хорошо знает своих героев, он жил и воевал с ними, он познал всю глубину их чувств и мыслей.

— Но своего главного героя я еще не сыграл. Я верю, что напишут, наконец, такую пьесу, где будет жить мой современник, похожий и на Рыжего Боца, и на кочегара с «Нетте» Жору Ленинградского — человека великого благородства и мужества, и на моих друзей-однополчан. Я мечтаю о герое, достойном живых и павших.

С 1945 года, года Победы, работает Владимир Павлович в краснодарском театре. Его знают и любят на Кубани. Любят потому, что бывший матрос с «Теодора Нетте», гвардии старшина стрелковой дивизии говорит высокую правду о Человеке.

М. САЕНКО,

соб. корр. «Советской культуры».
КРАСНОДАР.